Olga Kawecka

The Last Fortress

Olga Kawecka

THE LAST FORTRESS

The fourth collection of poems

With some photographs and a painting by the author

2017

Olga Kawecka, *The Last Fortress*

Edited by Olga Kawecka

Published in the USA by Createspace (www.createspace.com)

Olga Kawecka [Kavetska] (b. 1987) is a poet, prose writer, translator, and historian.

The Last Fortress includes poems on brotherhood, life, death, and faith. Most of them are dedicated to the author's sworn brother Artyom Kouznetsov (2000-2016). They met in 2014. "I was thirteen years older than Artyom, but we took no notice of it: at heart, I was a lively imp like Artyom himself. [...] Our mutual understanding was complete."

The cheerful and intelligent boy "resembled a joyous little flame." He was the core of the author's world. "Artyom was my strength to live, the meaning of my life, my inspiration and happiness. He became my sworn brother: my only dream came true." All ended suddenly in December 2016...

"To be a true friend is the greatest talent, and to have a true friend is the greatest happiness. The brotherhood with that beautiful and affectionate boy was God's miracle in my life."

The poems are published in the English original and in the author's translation into Russian.

ISBN-13: 978-1977805942
ISBN-10: 1977805949

Text, illustrations, design, layout © 2017 by Olga Kawecka

Olga Kawecka. *September 18, 2016*

To my sworn brother Artyom Kouznetsov,

with gratitude

Моему названому брату Артёму Кузнецову,

с благодарностью

Preface

I

"To inspire is even more important than to write," said Marina Tsvetaeva[1], an outstanding Russian poet. To inspire somebody to write, to inspire somebody to live – is this not the greatest talent?

The name of my inspiration was Artyom Kouznetsov[2]. I met him in Tver[3] on the 20th of July 2014.

I sat on a bench in a pedestrian street, opposite a café. The sun lent an amber colour to dark lindens, which lined the street; the nostalgic scent of flowers was wafted from the windowsills of old one- and two-storeyed brick houses; a wondrous azure, like that of Chartres stained-glass windows, shone in the serene height. All of a sudden, in the warm space a boyish voice of rare beauty sounded – a melodious soprano with a silvery glimmer: "And now turn to the left!"

In the shade of the lindens on the other side of the street two boys were bicycling. I glimpsed one of them. He was slender and tanned, with a fair hair and a beautiful natural deportment. In the next moment, the boys disappeared around the corner.

I remained sitting. People passed by me. Many had passed by me in my life. Students, poets, painters... They all had been strangers to me; to all of them, I myself had been a stranger, like a shadow in

---

[1] b. 1892, d. 1941.

[2] Pronounced [Art'yom Kouzne'tsov].

[3] An old picturesque city in Russia, near Moscow.

the world of the living.

Others had dreamt of money and fame; I had desired to meet the one whom I might call 'brother.'

To me, 'brother' had been the most sacred of all words, and I had regarded brotherhood as the supreme level of human relationships. To me, to live had meant to love – to live for the sake of another person. No acquaintance of mine had wanted the same.

I had been alone. Writing had turned out to be the only possibility to talk with my equal. 'My equal' had been a reader. I had written poems and prose, and translated poetry from nine languages into Russian. My books had ranged from a collection of poems to a voluminous work on the First World War. I had hoped that somebody would understand me – at least, after my death.

But I had still lived and needed a living one beside me. Reduced to despair, in 2014 (at the age of twenty-seven) I had begun to seek friends among adolescents: maybe, had they been more sociable than adults?...

... While I was sitting on the bench, the two boys returned suddenly. They left their bicycles near the door of the café and went in. Ten minutes later, I had the telephone number of the boy with a fair hair and a silvery voice. His name was Artyom Kouznetsov.

The Chartres azure shone triumphantly overhead when I went home.

II

Artyom was fourteen years old. He turned out to be cheerful, kind, and impish. He asked me innumerable questions about my life, gazed at me intently

and friendly, smiled at me... The understanding gaze of his big dark eyes, his frank smile, the enchanting melody of his voice: he resembled a joyous little flame.

He was happy to make friends with me. As to myself, in the beginning I was embarrassed by his somewhat gamin-like behaviour. Artyom seemed too frank, too inquisitive, too lively – a real imp. Having fathomed his nature, I found him delightful.

Just the well-balanced combination of an imp's conduct with the noble gentleness of his soul lent him a peculiar charm. He was outwardly an imp without rudeness, and inwardly an angel without sentimentality. The delectable boyish ingenuousness was juxtaposed with an extraordinary psychological development. He understood what was incomprehensible to many adults...

Artyom once read my collection of prose works. They were full of historical allusions and culturological connotations – a complex system of thoughts, the meaning of which was the importance of brotherhood. Adult readers had seen only the intricate surface. Fourteen-year-old Artyom comprehended the essence.

He understood me entirely. I could share all with him. He smiled with my joy and cried with my pain. He felt my very core and protected it by his devotion from the evil and hardships of the outer world. He was the only person whom I trusted completely.

Artyom was sincere, honest, compassionate, independent, strong-willed, and faithful. He always kept his word; he never deceived me, nor did he hurt me. His innate tact and faculty for empathy made him the most trustworthy person to talk with.

He was not touchy, he forgave easily and never remembered quarrels.

He regarded himself with a striking impartiality. He knew his merits and had self-respect, yet he did not think himself ideal. In the beginning I sometimes reproached him with his gamin-like conduct, and he always considered my opinion and tried to be better (later, I gave up my unnecessary attempts of education, for that conduct even enhanced his charm).

Artyom was remarkable for his modesty. He skilfully played football, he was a goalkeeper in a local team, he won awards, but he never boasted of his achievements. Nor did he exalt himself when I began to publish my writings dedicated to him. On the contrary, he was joyously-surprised and grateful.

Artyom did not shun physical work. Whatever he did, he did it well.

He loved cleanliness. His clothes were always neat, and his body was clean. He dressed tastefully yet unpretentiously; all his clothes suited him.

He had good taste and a feel for art.

His way of life was rather austere, and he was able to enjoy simple things as a walk or a bar of chocolate.

He liked playing and laughing, and he was fond of tricks which I showed him (I learnt them for him). He appreciated all that I did for his sake.

The best trait of Artyom was humaneness – the capacity for empathy, for compassion. He could sympathise even with those whom he did not know personally. “Anyone who suffers is my brother,” I wrote about myself. Artyom could have said the same thing.

I might describe him in one word – real.

This boy was the most trustworthy, joyful, and *life-asserting* person I met. He was an embodiment of life – of a true and happy life.

Artyom became close to me from the first mo-

ment, as if we had ever known each other. He was the closest and dearest person in my life.

I met Artyom at the point of no return. My existence before our meeting had been hard and bleak. There had been the very negative situation at home, unfavourable circumstances, the deaths of my loved ones, loneliness, fragile health... I had existed by the effort of my will; and sooner or later, I should reach a deadlock.

On the 20th of July 2014 all changed. Thenceforth difficulties became insignificant, and even my health improved considerably. Artyom gave me strength to live and work. In his presence I felt eternal. Thanks to his faithful friendship, I was able to write seven more books during two years and a half, and my works were accepted in the largest libraries of the world.

Artyom was my strength to live, the meaning of my life, my inspiration and happiness. He became my sworn brother: my only dream came true.

III

To me, Artyom is associated with a joyous light. The appearance of the boy seemed to reflect the harmony of his nature: he was also the most beautiful person that I ever saw.

His slender yet strong body was perfect in its lines and forms, and a graceful liveliness marked his movements.

He had a spiritual face with regular features and a smooth clear skin. His eyes were big, and dark as brown smoky quartz. In their depth a goldish hue glimmered faintly, like amber in the twilight. The

shape of his eyes was exquisite, as if it were finely chiselled on a marble sculpture or painted by a thin brush on a precious old icon. Wondrous thick black eyelashes framed his eyes. The look was frank and intelligent.

The unfathomable darkness of his eyes combined with the finest fair hair, like a perfect rhyme. The hair fell loosely on one side of his high forehead.

He had a straight small nose with nice freckles, and rather full lips. The curve of his cheeks was wonderfully-gentle: the cheeks of an adolescent angel from a Renaissance painting.

His hands were delicate and sure. Their touch gave confidence.

The beautiful crystal voice of Artyom did not break, it only became firmer by the age of sixteen.

I admired Artyom like a work of art. And he was a work of art – that of God.

IV

The name of the other boy (who had bicycled with Artyom) was Denis. Artyom had met him in the summer of 2010, when Denis had played football with his friends on a quiet square.

Denis was two years younger than Artyom. He was taciturn, reserved, and serious. He would muse over any more or less important subject for a long time, whereupon he would utter his opinion. Owing to that peculiarity, Denis seemed older than he was.

Besides, his appearance made him seem older. It might be drawn in a few sure strokes. He was tall and well-built, with a thick brown hair, thoughtful grey

eyes, and soft fine hands.

Artyom and Denis were perfect together.

In the very first days of their friendship Artyom had formed an ardent and steady attachment for Denis, which had become the core of Artyom's world. He adored Denis and called him a brother; he understood him and appreciated him; he lived for his sake. Never have I seen a more beautiful and faithful love than Artyom's. It was living poetry full of boyish ardour, and sincerity, and peace. Artyom was happy to love Denis, to be with him, to be the one who he was. No shadow of the destroying world fell on him; no splash of distorted opinions stained his pure affection. His Love was Eternity in him.

Artyom himself revealed me his devotion for Denis – revealed his very essence, joyfully and gratefully. His faithful, selfless love for his friend became my great inspiration and joy.

The boys were inseparable. I did not even imagine them separately.

They always came together to me. We usually met in a quiet and cosy courtyard surrounded by four-storeyed houses, with a brown wooden bench under a branchy birch. That place in Tver became our home – our own world, where we were beyond the turmoil and vanity of everyday life. There were only Artyom's love for Denis and my brotherhood with Artyom – the supreme happiness for us both.

We talked, played, laughed... I was thirteen years older than Artyom, but we took no notice of it: at heart, I was a lively imp like Artyom himself, and he understood this – he liked this. I could be myself with him (and only with him).

Our mutual understanding was complete. We were

united in our very core.

V

On the 18th of December 2016 I came in our courtyard again. Artyom and Denis had been waiting for me: they had often come before appointed time. Artyom was cheerful as ever, he smiled happily at me and Denis, he told me about their films. In the summer of 2016 the boys had begun to shoot funny short videos about themselves. It had been the idea of Artyom, who had wanted to amuse me and his friend. Artyom had a remarkable creative ability, and his films were enthralling.

After the meeting, the boys went to shoot a new video. I watched it on the 23rd of December. In the film Artyom walks with Denis along the frozen river Volga. Behind them one sees the white clouded sky and black trees lining the riverside. “One of these days, I shall shoot a terrific video as a birthday present for Denis,” Artyom promises lively and then covers the camera with his hand in a black woollen glove. The end.

That day, the 23rd of December, some excruciating anxiety for Artyom seized me. Since May 2016, I had feared to lose my friend. The *inexplicable* fear had been vague, but that winter day it became unbearable. In the evening I went out into the street and sat alone at a deserted bus stop. The cold gloom compassed me. There was nothing and nobody save the yellow lights of cars rushing past. “Artyom, what is going on?” I whispered into the dark, and involuntary tears ran down my cheeks...

On the 24th I asked Denis about Artyom. He texted

to me that Artyom had fallen ill, on the 19th. Never had Artyom ailed for two years and a half that I had known him. At least, he had never told me about any illness. He seemed very healthy... I was amazed.

The next day a relative of Artyom notified me that he had been hospitalised (on the 23rd). To me and Denis, the news sounded absurd. The relative promised to give me details by e-mail on the 26th.

On the 26th I did not receive any message. I feared the worst; and in the early hours of the 27th I began to phone round hospitals, asking about Artyom.

I soon found him. Doctors said me: "He has influenza or a cold; it is nothing serious."

"Let's wait for him," I texted to Denis at two o'clock in the morning. He replied: "I hope he will recover soon."

The 27th of December 2016 was a cloudy day, with a sudden glimpse of the bright azure in the hopelessly-grey sky. I prepared New Year's gifts for Artyom and Denis. At eight o'clock in the evening I received a message from Denis. He wrote: "Someone has texted me from Artyom's account that Artyom had died." "Nonsense!" I responded. Denis did not believe this either.

Then I recalled Artyom's idea to shoot "a terrific video" for Denis. His "death" was none other than a subject for the film! But – how could he make us worry? He had always been so considerate towards us...

I began to ask Artyom's acquaintances. All unanimously negated his "death."

Artyom was "to be buried" on the 29th of December. Denis and I decided to stay at home. Some fellow-students of Artyom and his former classmates went to the "burial," intending "to tell him off properly" for so foolish a joke. But instead of seeing the cheerful boy

with a camera, they saw his body in a coffin.

VI

Artyom had pneumonia and bone cancer affecting his left knee. He died of cardiac arrest in an ambulance while being transported to another hospital, on the 27th of December 2016, at the age of sixteen. My life ended.

"He often suffered from some pain," Denis said to me later. Never had Artyom told me about pain, nor had he shown it. He had seemed very healthy and, perhaps, he had been such – when Denis and I (Artyom's dearest persons) had been with him. Love overpowers everything. Maybe, if he had been lonely, would he have passed away earlier?...

Artyom was a strong person with an unshakeable will-power, a real boy, and a true friend. A joyous light shone within him, and the name of that light was Love. Artyom loved Denis and me, he lived for our sake, and he was happy with us. His faithful love became the dearest gift to us, and his happiness was a thing worth living for.

To be a true friend is the greatest talent, and to have a true friend is the greatest happiness. The brotherhood with that beautiful and affectionate boy was God's miracle in my life.

In my mind Artyom was always associated with light... There is no death – there is only the protecting shine of his Eternity.

August 15, 2017

Предисловие

I

«Вдохновлять – это даже больше, чем писать», – считала Марина Цветаева, выдающаяся русская поэтесса. Вдохновлять писать, вдохновлять жить: разве это не величайший из талантов?

Мое вдохновение звали Артём Кузнецов. Я встретила его в Твери вечером 20 июля 2014 года.

Я сидела на пешеходной улице на скамейке напротив кафе. Солнце озаряло янтарным светом темные липы, росшие по обеим сторонам улицы; с какой-то клумбы доносилась смутная ностальгия цветов; ясная высота сияла удивительной лазурью – подобной той, что украшает витражи Шартра. И вдруг – через теплое пространство – мальчишеский голос редкой красоты: выразительное сопрано с серебряным мерцанием: «А теперь налево!»

В тени лип на другой стороне улицы ехали на велосипедах два мальчика. Я мельком увидела одного из них. Он был стройным и загорелым, со светлыми волосами и хорошей осанкой. В следующее мгновение ребята скрылись за углом.

Я осталась сидеть. Мимо меня шли люди – чужие люди. Многие так прошли мимо меня – мимо моей жизни. Какие-то студенты, поэты, художники... Все были чужды мне, и всем я была чужой – как тень в мире живущих.

Другие стремились к деньгам или славе; я нуждалась в том, кого могла бы назвать братом.

Для меня понятие «брат» было самым святым из всех слов, а братство – наивысшей степенью че-

ловеческих взаимоотношений. Для меня жить означало любить: жить ради другого. Никто из моих знакомых не желал того же.

Я была одна. Литература являлась единственной возможностью говорить с моим равным. «Мой равный» – это был читатель. Я писала стихи и прозу, переводила поэтические произведения с девяти языков на русский… Тематика моих книг простиралась от сборников стихотворений до объемного труда по Первой Мировой войне. Я надеялась, что кто-то поймет меня – хотя бы после моей смерти.

Но я еще жила и нуждалась в живом человеке. В 2014 году (когда мне было двадцать семь лет) я в отчаянии бросилась искать друзей среди подростков: может быть, они более человечны, чем взрослые?..

… Пока я сидела на скамейке, те два мальчика неожиданно вернулись. Они оставили велосипеды у дверей кафе и нырнули внутрь. Спустя десять минут у меня был телефонный номер мальчика со светлыми волосами. Его звали Артём Кузнецов.

Шартрская лазурь торжествующе сияла надо мною, когда я возвращалась домой.

II

Артёму было четырнадцать лет. Он оказался веселым, добрым и озорным. Он засыпáл меня вопросами о моей жизни, смотрел на меня внимательно и дружелюбно, улыбался мне… Понимающий взгляд больших карих глаз, открытая улыбка, чарующая мелодия голоса: он был, как радостный

огонек.

Он был рад подружиться со мной. Что до меня, то поначалу я была озадачена его несколько уличным поведением. Артём казался мне слишком открытым, слишком любознательным, слишком живым: настоящий сорванец. Когда же я присмотрелась к нему, то нашла его восхитительным.

Именно идеально уравновешенное сочетание «уличного» поведения с благородством души придавало ему особое очарование. Внешне он был чертенком без грубости, внутренне – ангелом без слащавости. Замечательная детская непосредственность соединялась с необычайным психологическим развитием. Он понимал то, что было непостижимо для иных взрослых – было вне их глубины...

Однажды Артём прочитал один сборник моей мелкой прозы философского характера. Эта проза была полна исторический аллюзий и культурологических коннотаций: сложная конструкция мыслей, сутью которых была потребность в братстве. Взрослые читатели могли видеть только труднопостижимую поверхность. Четырнадцатилетний Артём понял сущность.

Как он понимал мои работы, так он понимал меня. Я могла разделить с ним все. Он улыбался от моей радости и плакал от моей тоски. Он чувствовал самую мою сущность и своей искренней привязанностью оберегал ее от всех трудностей и зла внешнего мира. Он был единственным человеком, кому я доверяла сполна.

Артём был отзывчивым и искренним, честным и верным, независимым и сильным. Он всегда держал свое слово, никогда не обманывал меня,

никогда не ранил. Его способность к пониманию и врожденный такт делали его самым приятным собеседником.

Он не был обидчивым. Легко прощал и никогда не вспоминал ссор.

Себя он оценивал с поразительной беспристрастностью. Он знал свои достоинства и уважал себя, но никогда не считал, что он идеален. В начале я иногда упрекала его за «уличное» поведение, и он всегда прислушивался к моему мнению и старался быть лучше. (Позднее я оставила эти ненужные попытки воспитания: «уличность» Артёма придавала ему особое очарование).

Артём отличался скромностью. Он превосходно играл в футбол, был вратарем в тверской команде, имел награды, но никогда не хвастался своими успехами. Также он не стал превозносить себя после того, как я начала публиковать посвященные ему произведения. Наоборот, их публикация была для него предметом радостного удивления и благодарности.

Он не гнушался физической работы, какой бы трудной она ни была. Все, что делал, делал хорошо.

Любил чистоту. Его одежда всегда была опрятной, равно как и тело. Одевался он со вкусом, но скромно. Все его вещи шли ему. У него был хороший вкус и чувство прекрасного.

Он был умерен, умел радоваться простому – будь то прогулка или плитка шоколада.

Ему нравилось играть и смеяться, он обожал мои фокусы (которые я с удовольствием разучивала для него). Он ценил все, что я делала ради него.

А его главным и важнейшим качеством была

человечность, способность к пониманию и состраданию. Он мог сочувствовать даже тем, кого не знал лично.

Его можно было бы описать одним словом: настоящий.

Этот мальчик был самым надежным, самым радостным и самым *жизнеутверждающим* человеком из всех, кого я знала. Он был воплощением жизни – солнечной, счастливой жизни.

Артём стал мне родным с самого начала, как если бы мы знали друг друга всегда. Он был самым дорогим и самым близким человеком в моей жизни.

Я познакомилась с Артёмом на точке невозврата. Мое существование до нашей встречи было трудным и безрадостным. Я много страдала, телесно и духовно. У меня были серьезные неприятности с сердцем. Я была вынуждена бороться с внешними неблагоприятными обстоятельствами. Меня изничтожало непреодолимое одиночество. Умирали близкие... Я существовала на усилии воли, а такое существование рано или поздно должно было зайти в тупик.

20 июля 2014 года все изменилось. Впредь трудности воспринимались как пустяки, и даже здоровье заметно улучшилось. Артём дал мне силы жить и работать. В его присутствии я чувствовала себя вечной. Благодаря его верной дружбе я смогла написать еще семь книг – за два с половиной года – и добиться того, что мои работы появились в лучших библиотеках мира.

Артём был моей силой жить, смыслом моего бытия, моим вдохновением и счастьем. Он стал моим названым братом: единственная мечта всей

моей жизни осуществилась.

III

В моем сознании Артём ассоциировался с радостным светом. Его облик словно отображал редкостную гармонию его природы: он был самым красивым из всех, кого я видела.

Его стройное, крепкое тело было совершенным в линиях и формах, а движения отмечала грациозная живость.

У него было одухотворенное лицо с правильными чертами и чистой нежной кожей.

Глаза были большими и темными, как коричневый раухтопаз. Карий цвет где-то в глубине едва уловимо мерцал золотистым, как будто янтарь слабо светился в темноте. Разрез глаз был редкостным: словно на мраморной скульптуре точным резцом сделанный или на старинной иконе тщательно выведенный тонкой кистью. Глаза обрамлялись чудесными черными ресничками. Взгляд был ясным и умным.

Бездонная темнота глаз сочеталась с мягкими светлыми волосами, как точная рифма. Волосы свободно падали на одну сторону высокого лба.

У него был небольшой прямой нос с задорными веснушками и довольно полные красиво очерченные губы. Линия щек была удивительно мягкой: щеки ангелов-юношей с ренессансных картин.

Руки были деликатными, но твердыми. Их прикосновение придавало уверенности.

Я восхищалась Артёмом, как произведением

искусства. Он и был произведением искусства – Божьего.

IV

Другого мальчика (который ехал с Артёмом) звали Денис. Артём познакомился с ним летом 2010 года на тихой площади, где Денис играл с приятелями в футбол.

Денис был на два с половиной года младше Артёма. Он был молчаливый и сдержанный, со странным уклоном в глубокомыслие. Он мог подолгу размышлять над любым более или менее серьезным вопросом, после чего изрекал свое мнение. Из-за этой особенности Денис казался старше своих лет.

Также внешность заставляла его казаться старше. Его можно было бы изобразить несколькими уверенными мазками. Он был высоким, неплохо сложенным, с густыми темными волосами, серыми глазами и очень нежными руками.

Артём и Денис замечательно подходили друг другу.

В самом начале Артём горячо привязался к Денису. Эта дружба стала смыслом жизни Артёма. Он обожал Дениса, считал его братом, понимал его и ценил, жил ради него. Никогда я не встречала более прекрасной и более верной привязанности, чем у Артёма. Это была живая поэзия, исполненная мальчишеского задора, искренности и мира. Артём был счастлив любить Дениса, быть с ним, быть тем, кем он был. Ни одна тень разрушающего мира не пала на него, ни один всплеск искажен-

ных мнений не запятнал его привязанность. Его Любовь была Вечностью в нем.

Артём сам открыл мне свое чувство к Денису – раскрыл самую свою сущность, радостно и благодарно. Его преданная, самозабвенная Любовь к другу стала для меня огромным вдохновением и радостью.

Мальчики были неразделимы. Я даже не представляла их по отдельности.

На встречи ко мне они всегда приходили вместе. Мы встречались в тихом, уютном дворе, окруженном пятиэтажными домами, с коричневой лавочкой под ветвистой березой. То место в Твери стало нашим домом – нашим собственным миром, где мы были вдали от суеты и шума повседневности. Там были только любовь Артёма к Денису и наше с Артёмом братство: высшее счастье для нас обоих.

Мы разговаривали, играли, смеялись... Я была на тринадцать лет старше Артёма, но мы не замечали разницу: в глубине души я была таким же сорванцом, как он. Он понимал это, и это нравилось ему. С ним (и только с ним) я могла быть собой.

Наше взаимопонимание было полным. Мы были едины в самой сущности.

V

18 декабря 2016 года я опять пришла в наш двор. Артём и Денис уже были на месте: они обычно приходили раньше назначенного времени. Артём был весел, как всегда, счастливо улыбался

мне и Денису, говорил об их новых видеороликах. Летом 2016 года они начали снимать короткие забавные фильмы о себе. Это было идеей Артёма, желавшего развлечь меня и своего друга. У Артёма была творческая способность, и фильмики получались занятными.

После той встречи ребята отправились снимать новое видео. Я посмотрела его 23 декабря. В фильме Артём идет с Денисом вдоль замерзшей Волги. За ними – белое пасмурное небо и черные деревья, растущие по берегу. «Скоро я сниму невероятный видик – ко дню рождения Дениса», – живо обещает Артём, после чего закрывает камеру рукой в черной шерстяной перчатке. Конец.

В тот день, 23 декабря, меня охватила мучительная тревога за Артёма. С мая 2016 года я боялась потерять своего друга. *Беспричинный* страх был смутным, но тем зимним днем он стал невыносимым. Вечером я вышла на улицу и сидела одна на автобусной остановке, в холодной темноте. Не было ничего и никого, только желтые огни машин проносились мимо. «Артём, что происходит?» – спрашивала я шепотом во тьму, тогда как невольные слезы катились по щекам…

24 декабря я спросила Дениса об Артёме. Он написал, что тот заболел, 19-го. За два с половиной года, что я знала Артёма, он не болел. По крайней мере, не упоминал ни о каких болезнях. Он казался необычайно здоровым… Я была изумлена.

На следующий день родственница Артёма написала мне, что его положили в больницу (23-го). Для меня и Дениса новость звучала нелепо. Родственница обещала сообщить подробности электронным письмом 26-го.

26-го не пришло никакого письма. Я предположила худшее, и в ночь на 27-е принялась обзванивать больницы. Во второй сказали, что Артём у них. «У него грипп или простуда, состояние неопасное».

«Будем ждать его», – написала я Денису в два часа ночи. Он ответил: «Надеюсь, скоро он будет совершенно здоров».

27 декабря 2016 года было пасмурным днем, с внезапным прорывом в яркую лазурь на безнадежно-сером небе. Я готовила новогодние подарки для Артёма и Дениса. В восемь часов вечера Денис прислал сообщение: «Кто-то с аккаунта Артёма написал мне, что Артём умер». – «Глупости», – отозвалась я. Денис тоже не верил.

И тут я вспомнила о замысле Артёма снять «невероятный видик» для Дениса. Его «смерть» была ни чем иным, как сюжетом для фильма! Но – как он мог заставить нас беспокоиться? Ведь он всегда был столь внимателен к нам...

Я стала расспрашивать знакомых Артёма. Все единогласно опровергли возможность его смерти.

«Похороны» должны были состояться 29 декабря. Я и Денис решили остаться дома. Некоторые одногруппники и бывшие одноклассники Артёма поехали «хоронить» его, намереваясь хорошенько «всыпать» за глупую шутку. Но вместо озорного Артёма с камерой они увидели его тело в гробу.

VI

У Артёма было воспаление легких и рак костей.

Он умер от остановки сердца при перевозке из одной больницы в другую, 27 декабря 2016 года. Ему было шестнадцать лет. Моя жизнь закончилась.

«У него всегда что-нибудь болело», – сказал потом Денис. Никогда Артём не упоминал мне о боли и не проявлял ее никоим образом. Он казался очень здоровым и, возможно, действительно был таковым, – когда Денис и я (самые дорогие Артёму люди) были с ним. Любовь преодолевает все. Может быть, в одиночестве он ушел бы раньше?..

Артём был сильным человеком, настоящим мальчиком и настоящим другом. Радостный свет присутствовал в нем, и имя этого света было Любовь. Артём любил Дениса и меня, жил для нас и был счастлив с нами. Его преданная любовь стала самым дорогим даром нам, а ради его счастья стоило жить.

Быть истинным другом – величайший талант, а иметь истинного друга – величайшее счастье. Братство с тем красивым и любящим мальчиком было Божьим чудом в моей жизни.

В моем сознании Артём всегда ассоциировался со светом… Смерти нет – есть только хранящее сияние его Вечности.

15 августа 2017 г.

To Artyom Kouznetsov

Maybe, all will end tomorrow – –
However, I want to be beautiful,
happy,
and the best –
for you.
I have learnt to smile for your sake,
although a lurking sorrow
is like a knife by my throat.
I have learnt to fly for your sake,
though my wings broke long ago.
I want to live for your sake,
even if my life continues like pain.
And I smile,
while the apple blossom,
like the last heavenly mercy,
flutters over me on the paths of this May,
where we shall never go together.
I want to be the best for you.
Maybe, all will end tomorrow – –

May 12, 2016
11.47 p.m.

Артёму Кузнецову

Может быть, завтра все закончится...
А я хочу быть для тебя красивой,
счастливой,
лучшей.
Я научилась для тебя улыбаться,
хотя смутная тоска – ножом к горлу;
я научилась для тебя летать,
хотя крылья были давно сломаны;
я хочу для тебя жить, –
даже если бы жизнь длилась, как боль.
И я улыбаюсь,
тогда как последней небесной милостью
меня яблоневый цвет осыпает
на тропинках этого мая,
по которым нам не ходить вместе.
Я хочу быть для тебя лучшей.
Может быть, завтра все закончится...

12 мая 2016 г., 23.47.

The Exultation of May. *2016*

I want to remember
the silken waft of your hair under my palm,
the satiny sensation of your skin,
the coolness of your soft cerise lips,
the defenceless tenderness of your breast,
the mauve revelation of your sanctuary...
I want to remember you
by touch,
by sight,
by ear.
I create you within my self
to keep your warmth
for the whole way into the darkness.

July 22, 2016
5.05 a.m.

Я хочу запомнить
шелковое веяние твоих волос под моей ладонью,
атласное ощущение твоей кожи,
прохладную влажность
твоих мягких светло-вишневых губ,
беззащитную нежность твоей груди,
сиреневое откровение твоего святилища…
Я хочу запомнить тебя
прикосновениями,
взглядом,
слухом.
Я создаю тебя внутри своей души,
чтобы сохранить твое тепло
на весь путь в темноту.

22 июля 2016 г., 5.05.

My Last Spring. *Olga Kawecka; May 13, 2016*

To Artyom Kouznetsov and Denis

You make me living –
joyfully,
desperately,
eternally living.
I am an echo of you,
a part of the world,
a particle of Eternity.
I am alive
to spite pain,
efforts,
and the encompassing dark.
Without you, I shall disperse
to pieces of a hopeless longing
in the dismal waters of Oblivion...
It will not be the end.

July 30, 2016
4.42 a.m.

Артёму Кузнецову и Денису

Вы делаете меня живым –
радостно,
отчаянно,
вечно живым.
Я – ваше эхо,
часть мира,
частица Вечности.
Я живой –
назло боли,
усилиям
и окружающей темноте.
Без вас я растворюсь
на фрагменты безнадежной тоски
в темных водах забвения...
Это не будет концом.

30 июля 2016 г., 4.42.

After a Quarrel*

To Artyom Kouznetsov

I let you go –
like a leaf into the wind,
like a dream into the dark,
like the last chord into silence.

You are no longer mine.
You belong to the wind,
to the dark,
to silence.

It is my triumph over you,
marble angel.

August 3, 2016
11.55 p.m.

* One of our six quarrels, which did not break our brotherhood but made it even firmer. After that misunderstanding, we did not see each other for one month (this was my decision).

После ссоры*

Артёму Кузнецову

Я отпускаю тебя –
как лист – на ветер,
как сон – во тьму,
как последний аккорд – в тишину.

Ты больше не мой.
Ты принадлежишь ветру,
темноте,
тишине.

Это мой триумф над тобой,
мраморный ангел.

3 августа 2016 г., 23.55.

* Одна из наших шести ссор, которые не только не разрушали наше братство, но делали его еще крепче. Мы не виделись месяц после того недоразумения (это было мое решение).

The Smile of the Kilauea Volcano*

A friendly smile drawn with fire
on the black clinker –
the smile of the overwhelming Nature
at the self-willed mankind.
Yet – is it not a smile at me myself,
an encouraging smile of Eternity
through the desolate surface of the world?
I am not lonely:
I am a particle of Your creation.

Fiery features of Your Beauty
are blazing on my deadened soul.
Life is endless.

August 4, 2016
1.22 a.m.

* On the 30th of July 2016 in the crater of Kilauea there appeared a "smile" drawn with the flaming lava.

Улыбка вулкана Килауэа*

Дружелюбная улыбка, начертанная огнем
на черной застывшей лаве:
улыбка превосходящей Природы
на своевольное человечество.
Но – не улыбка ли это мне самому –
ободряющая улыбка Вечности
сквозь пустынную поверхность мира?
Я не одинок:
я – частица Твоего творения.

Огненные черты Твоей Красоты
пылают на моей помертвелой душе.
Жизнь бесконечна.

4 августа 2016 г., 1.22.

* 30 июля 2016 года в кратере Килауэа появилась улыбка, «нарисованная» горячей лавой.

To Artyom Kouznetsov

Your liveliness has stiffened*
into voiceless images of summers –
my summers tinged with hope
and with Life.

You have vanished in the dark of rain,
like my call – innermost – "My brother!"

You have become a mere name,
like the graceful flutter of a butterfly
turns into motes...

August 12, 2016
12.15 a.m.

* The poem was written when Artyom and I did not see each other because of a quarrel.

Артёму Кузнецову

Твоя живость застыла*
в безмолвные образы лета –
моего лета, озаренного надеждой
и Жизнью.

Ты исчез в темноте дождя,
как мой зов – глубинный – «Брат!»

Ты стал лишь именем,
как изящный трепет бабочки
становится пылью…

12 августа 2016 г., 00.15.

* Стихотворение написано, когда мы с Артёмом были в ссоре.

The Autumnal Suite

Light lingers on the horizon
like a farewell.

Life is illumined
with the purple flame of the sunset
and seems triumphant.

A yellow leaf falls,
like a drop of gold,
into the lake of silence.

The evening azure
fades like memories.

Life lingers on the horizon...

August 31, 2016
3.36 a.m.

Осенняя сюита

Свет медлит на горизонте,
как слова прощания.

Жизнь озарена пурпурным огнем заката
и кажется торжествующей.

Желтый лист падает,
как капля золота,
в озеро тишины.

Вечерняя лазурь
меркнет, словно воспоминания.

Жизнь медлит на горизонте…

31 августа 2016 г., 3.36.

The Autumnal Suite. *October 2016*

To Artyom Kouznetsov and Denis

You are only boys –
impish,
delightful,
and understanding.
You dwell far away
from my abrupt heights of Poetry;
but you can glimpse
what nobody else sees,
you can sense
what nobody else is aware of.
Nobody will be allowed
to walk your path.
Nobody will be able to follow you
in my poignant world.
In this immensity
you both are but motes –
two motes of Eternity.

August 31, 2016
9.48 p.m.

Артёму Кузнецову и Денису

Вы – только мальчишки:
проказливые,
радостные
и понимающие.
Вы далеки от моих обрывистых высот Поэзии,
но вам открыты проблески того,
что не видит никто другой;
вы можете ощущать то,
что не осознает никто.
Никому не будет дозволено
пройти вашим путем.
Никто не сможет следовать той же дорогой
в моем беспокойном мире.
В этой безмерности
вы оба – лишь пылинки:
пылинки Вечности.

31 августа 2016 г., 21.48.

To Artyom Kouznetsov and Denis

The enchanting darkness of Artyom's eyes,
his voice reminding of careless springs
in summer woods,
his graceful aspect of the young David;
your alto from the vaults of a never-existing
temple,
the warmth of your soft hand,
your soothing calm –
all this blends in my memory
into one impression of a sunny day.
You are inseparable in my soul.

August 31, 2016
10.14 p.m.

Артёму Кузнецову и Денису

Чарующая темнота его глаз,
его голос, напоминающий беспечные родники
в летней чаще,
его грациозный образ юного Давида;
твой альт из-под сводов
никогда не существовавшего храма,
тепло твоей мягкой руки,
твое обнадеживающее спокойствие:
все это смешивается в моей памяти
в единое впечатление солнечного дня…
Вы неразделимы в моей душе.

31 августа 2016 г., 22.14.

The Joyous Day. *August 2016*

To Artyom Kouznetsov

The violin of pain throughout our brotherhood –
the net of lightnings across the sky of Eternity.

September 1, 2016
4.0 a.m.

Артёму Кузнецову

Скрипка боли сквозь наше братство:
сеть молний через небо Вечности.

1 сентября 2016 г., 4.00.

To Artyom Kouznetsov

You have given me the whole world –
the sky, the azure of which shone for us,
the wind, which stroked us on summer days,
the warmth of the caressing sun,
the hope of sunrises,
and the triumph of sunsets...
You have given me the whole world –
within your brotherhood.

September 29, 2016
3.07 a.m.

Артёму Кузнецову

Ты подарил мне целый мир:
небо, сиявшее лазурью над нами,
ветер, ласкавший нас в летний день,
тепло солнечных лучей,
надежду рассветов
и триумф закатов…
Ты подарил мне целый мир –
в своем братстве.

29 сентября 2016 г., 3.07.

The fallen sunlight
stretches under my feet
in the deadening space of the autumn.
My summer is gone
like a shifting joyful sunbeam.
The winter impends
like the gaping Naught.
There is only this incidental moment
when I smile again.

The hopeless sky.
The dark earth.
The delusory shine of October.
Cold reminds me of death...
But today I smile!

October 6, 2016
10.19 p.m.

Опавший солнечный свет
расстилается под моими ногами
в мертвеющем пространстве осени.
Мое лето прошло,
как сместившийся радостный луч.
Зима надвигается,
словно зияющее Ничто.
Есть лишь это случайное мгновение,
когда я снова улыбаюсь...

Безнадежное небо.
Темная земля.
Обманчивое сияние осени.
Холод напоминает о смерти...
Но сегодня я улыбаюсь!

6 октября 2016 г., 22.19.

The Intrusion of Fate. *October 2016*

To Artyom Kouznetsov

Death appears like an unexpected guest:
Perhaps, it comes early; perhaps, it comes late.
I know how much time is left to be.
A numinous light will effulge for me.
And you will return with that wondrous light,
My brother, who calls me from the Lord's height.

October 15, 2016
3.14 a.m.

Артёму Кузнецову

Смерть приходит, как гость нежданный:
То ли поздно, а то ли рано.
Сколько жить остается, знаю.
Будет свет мне в окно – без краю...
Будет свет мне и будешь ты –
Брат, окликнувший с высоты.

15 октября 2016 г., 3.14.

To Artyom Kouznetsov and Denis

You were my everlasting summer
with joyful sunbeams
through the foliage of a birch overhead,
with the caressing warmth of evenings,
with the triumphant azure of His Heaven...
We would meet in a simple courtyard.
We would meet in Eternity.

October 18, 2016
4.20 a.m.

Артёму Кузнецову и Денису

Вы были моим нескончаемым летом –
с радостными лучами солнца
сквозь листву старой березы над головой,
с ласкающим теплом вечеров,
с торжествующей лазурью Его Небес...
Мы встречались в обычном дворе.
Мы встречались в Вечности.

18 октября 2016 г., 4.20.

The Farewell to Warmth. *October 2016*

To Artyom Kouznetsov

Your sunny image on the old fresco of the autumn –
the triumph of Beauty
over transience.

October 24, 2016
1.23 a.m.

Артёму Кузнецову

Твой солнечный образ на старой фреске осени:
торжество Красоты
над преходящим.

24 октября 2016 г., 1.23.

To Artyom Kouznetsov

My marble angel,
passionate music of pure lines!
Your reverie-like eyes
gaze at me affectionately
through the darkening Time.
You see my very core –
this tormenting sea,
which surges desperately to Heaven.
You see what nobody else
is able to see,
you know what nobody else
is allowed to know.
You are an echo of my love,
angel from the tomb of my existence.

October 29, 2016
4.03 a.m.

Артёму Кузнецову

Мой мраморный ангел,
страстная музыка чистых линий!
Твои глаза, подобные грезе,
смотрят на меня мягко и проницательно
сквозь темнеющее Время.
Ты видишь самую мою сущность –
это мучительное море,
отчаянно вздымающее свои волны к небесам.
Ты видишь то, что никто другой не способен
видеть;
ты знаешь то, что никому другому недозволено
знать.
Ты – эхо моей любви,
ангел с гробницы моего существования.

29 октября 2016 г., 4.03.

Purity. *August 25, 2016*

A Flower at the Edge of a Precipice

A fragile flower at the edge of a precipice –
a revived sunbeam above my longing.
I am unable to climb the sharp stones of doubt,
am unable to walk on the verge of a loss.
I cannot reach that glimpse of joy.
It is my un-written poem,
it is my unachieved heaven:
a flower – an incidental bright flicker
in the bleak ridges of efforts.
I must go farther,
taking no notice
of its beauty
and warmth.

November 2, 2016
2.28 a.m.

Цветок над пропастью

Хрупкий цветок над пропастью:
оживший солнечный луч над моей тоской.
Я не в силах преодолеть острые камни сомнений,
не в силах пройти по краю потери.
Я не могу добраться до того проблеска радости.
Он – мое ненаписанное стихотворение,
мое недостигнутое небо:
цветок – случайная капля цвета
в пустых скалах усилий.
Я должен идти дальше,
не замечая
его красоты
и теплоты.

2 ноября 2016 г., 2.28.

The Last Fortress

To Artyom Kouznetsov

I shall not surrender my last fortress until
My strength has failed me. The end is predicted.
Ominous clouds veil the lonely hill,
And Naught shows black where windows glinted.

I shall hold my ground in spite of this pall,
I shall fight to defy my growing torment.
My life was once like a sorrowful call,
It shall become silence one sinister morning.

I shall fight alone, notwithstanding my strength
Is scarce for battles and the darkness is dizzy.
... Thus a weary bird waits for its calming death,
And its shattered wings keep celestial glimpses.

August 28; November 15, 2016

Последняя крепость

Артёму Кузнецову

Я последнюю крепость не сдам до конца,
Только знаю: победа будет уже не за мною.
Как проклятый Гуниб в три смертных кольца,
Окружил гиблый мир мою душу стеною.

Но я буду держаться, пока хватит сил,
Я буду сражаться назло своей боли.
Прежде я словом любви к тебе был,
После останусь с тобой – тишиною!

Я буду держаться – один против всех,
Зная, что завтра падет моя крепость.
... Так упавшая птица ждет смерти своей,
В крыльях храня память о небе.

28 августа, 15 ноября 2016 г.

To Artyom Kouznetsov and Denis

They both only lay side by side:*
Two boys, two sworn brothers, two lovers;
Dressed, at a distance, but the Lord's light
Was over them. It still glows

Within me like the sunrise of Life –
The shining and endless existence.
There is neither fear nor strife
Nor despair nor death but that instant.

November 21, 2016
5.18 a.m.

* It was a wonderfully-harmonious scene worthy of Canova's chisel.

Артёму Кузнецову и Денису

Они просто лежали рядом* –
Мальчики, братья, влюбленные;
В одежде, с потупленным взглядом,
Но светом с Небес озаренные.

Поныне горит в моем сердце
То сиянье, как благословение.
И нет ни страданий, ни смерти,
Ни страха – лишь это мгновение.

21 ноября 2016 г., 5.18.

* Это была сцена удивительная в своей гармонии, достойная резца Кановы.

The Crimson Shimmer in the Dark. *Autumn 2016*

To Artyom Kouznetsov

My own white flower by a dark river –
The sorrowful river of my poignant yearning!
Your gentle image glimmers in its dusky mirror,
As though it soars above woe and mourning.

You will always live in the core of my verses,
Your image will shine in the bright morning glory.
The chime of the reeds along sad biblical courses
Will evermore sing this inviolable story.

November 28, 2016
7.20 a.m.

Артёму Кузнецову

Мой белый цветок над темным потоком –
Печальным потоком извечной тоски!
Твой образ струится над мраком глубоким –
Над всеми скорбями этой мнимой реки.

Ты останешься жить в глуби моих песен,
Твой образ – в триумфе рассветов мерцать.
Тростниковые флейты вдоль потоков библейских
Будут в Вечности братство мое воспевать.

28 ноября 2016 г., 7.20.

To People

"Their sword shall enter
into their own heart" (Ps.37)

Turn the blade!
Turn it, as if turning over a page,
on which my powerless word is written, –
to the stone edge of pain,
towards the horizon
of my triumph.
Turn it!
It is never enough
to make another's heart bleed.
It is never enough
to exalt oneself
in the morning rays of the Kingdom of God.
You do not sense that they
reduce you to a mere speck...
Turn the blade
like a page – over!
All will be turned over.

November 30, 2016
1.53 a.m.

К людям

«Их меч войдет в их сердца» (Пс.37)

Поверните же лезвие, поверните!
Поверните, будто переворачивая страницу,
на которой записано мое бессильное слово, –
к каменному краю боли,
в сторону горизонта
моего торжества.
Поверните!
Никогда не достаточно
заставлять чужое сердце кровоточить.
Никогда не достаточно
чувствовать свое превосходство
в рассветных лучах Его Царствия.
Никогда не возможно
осознать, как они обращают тебя в ничто.
Поверните же лезвие,
как страницу переворачивают!
Все будет перевернуто.

30 ноября 2016 г., 1.53.

Hope in Naught

The shattered porcelain of existence –
white, ash-grey, yellowish, brown, black…
Time lent it its peculiar hue,
mixing it into one triumphant grisaille of Naught.
How could this broken piece laugh?
How could that rotten fragment love?
How may the multiform galaxy of life
be reduced to the stiff matter of destruction?…
Gaze at it,
think of it,
remember it –
to feel the eternal Life in your heart.

December 2, 2016
5.33 a.m.

Надежда в обломках жизни

Разбитый фарфор существования –
белый, пепельный, желтый, коричневый, черный.
Время придало ему свой особый оттенок,
смешав его в торжествующий гризайль небытия.
Как эта сломанная часть могла смеяться?
Как тот истлевший обломок мог любить?
Как может многообразная галактика жизни
свестись к застывшей сущности разрушения?..
Смотрите на это.
Думайте об этом.
Помните об этом, –
чтобы ощутить в своем сердце
непреходящую Жизнь.

2 декабря 2016 г., 5.33.

The Regret of a Poet

What is my life? – but clay without forces;
But marble which was not revived to forms.
I struggled in vain. In vain were the losses
And the achievements. There exist grave worms

Around me, not humans. The age of plague is this.
A few will live, the heart of whom is living.
Upon my inner cross, to them I always wheezed
About Life – and Love, which is its poignant
meaning.

December 4, 2016
10.45 a.m.

Сожаление поэта

Что жизнь моя? Лишь глина, где нет сил,
Лишь мрамор, не оживший к вечным формам.
Напрасны достиженья и потери. Напрасен сам
я был –
Среди червей могильных в сумасбродном

Великом этом веке. Эпоха Черной Смерти!..
Из множества вокруг останутся жить те,
Кто сохранил еще неонемевшим сердце.
Я к ним хриплю – на внутреннем кресте.

4 декабря 2016 г., 10.45.

To Artyom Kouznetsov

Like spring branches in a garden,
our destinies interlace
in Eternity.

December 10, 2016
6.10 p.m.

Артёму Кузнецову

Как весенние ветви в саду,
наши судьбы переплетаются
в Вечности.

10 декабря 2016 г., 18.10.

To Artyom Kouznetsov

Your voice was to sing under the precipitous vaults
of a gossamery Gothic temple,
dispersing into iridiscent glories of Light;
your body was a living marble mistery;
your grace was for a sketch of a white lily...
You strolled light-heartedly
in the dreary streets of the human Naught,
but the Chartres azure of Heaven shone over you.

The tantalising melody of your delightful beauty
resounds in the darkness of my life.

December 11, 2016
8.40 p.m.

Артёму Кузнецову

Твой голос был – петь под обрывистыми сводами
воспаряющих готических храмов,
растворяясь в многоцветную славу Света;
твое тело было – живое таинство мрамора;
твоя грация – для наброска белой лилии...
Ты бродил беззаботно
по унылым улицам людского ничтожества,
но шартрская лазурь Небес сияла над тобой.

Мучительная мелодия твоей томящей красоты
отдается в темноте моей жизни.

11 декабря 2016 г., 20.40.

The Foreboding. *2014*

The Collapse

The white sky.
The white earth.
The white sensation of an infinite loneliness.
The cold blossoms through me
into the white flower
of Death.

December 15, 2016
1.10 a.m.

Коллапс

Белое небо.
Белая земля.
Белое осознание бесконечного одиночества.
Холод расцветает сквозь меня
белым цветком
Смерти.

15 декабря 2016 г., 1.10.

The Inevitable Parting

To Denis

A needless one is to go away,
Leaving but pain after his flimsy kindness.
My soul is hidden from you, like a way
Which leads ineluctably into the darkness.

Well, go alone across a dim void –
The torturing void of losses and doubts.
I was your unknown prophet in Naught,
You chose to be my *un-sworn* brother.

June 6; December 17, 2016

Неизбежное расставание

Денису

Уходит только тот, кто был не нужен,
А рядом остается пустота…
Я от тебя скрываю свою душу,
Как будто путь, ведущий в никуда.

Иди один своей земной дорогой,
Иди во тьме сомнений и утрат.
Я был твоим неузнанным пророком,
А ты был мой *ненареченный* брат.

6 июня, 17 декабря 2016 г.

To Artyom Kouznetsov

You will remain eternally mine, my brother.
Thus in calm valleys the mist of evening rests;
Thus rivers keep gentle glimpses of a sunset;
Thus fallen warriors clutch pebbles to their chests...

You will remain eternally mine, my brother.
Death is defeated, and it shall never be.
We were living – Life awaits us farther!
You were always mine – you will remain with me!

December 29, 2016
7.15 a.m.
Day of the funeral of Artyom

Артёму Кузнецову

Ты навсегда останешься моим.
Так гладь пруда хранит закатный отсвет,
Так в высоту уходит мертвый дым,
Так павший зажимает камень в горсти…

Ты навсегда останешься моим.
Невластна смерть отныне над тобою.
Ты был живым и будешь ты – живым!
Ты был моим и будешь ты – со мною!

29 декабря 2016 г., 7.15.
День похорон Артёма

To Artyom Kouznetsov

From the numinous silence comes an encouraging
light
Like a promise of our future boundless mirth...
Solely you are beside me in this desolate life.
Henceforth only God commands our heaven and
earth.

January 4, 2017
1.25 a.m.

Артёму Кузнецову

Из тишины надмирной – тихий свет,
Как обещание сияющего счастья…
Со мной здесь только ты, живых со мною нет,
И мы теперь лишь Господу подвластны.

4 января 2017 г., 1.25.

To Artyom Kouznetsov

We shall ever live; we are united forever!
I follow you in this numinous silence.
The Lord listens to love as to an inmost prayer,
And beloved persons do not depart to the darkness.

January 16, 2017
8.20 a.m.

Артёму Кузнецову

Мы будем жить, мы будем всегда вместе!
Я в тишину вступаю за тобой.
Для любящих не существует смерти,
И кто любим – тот навсегда живой.

16 января 2017 г., 8.20.

The Numinous Instant. *Autumn 2016*

To Artyom Kouznetsov

My daredevil will broke like weary chords,*
But my core of a poet still helps me to be.
I speak for you sake, turning my love into words,
While Eternity echoes in days like a sea.

For you, I must tell about our past;
For you, I must toil through nothing a little more
uphill...
Above the dead earth lightnings of sorrow last,
And Life looms like a meeting in the maze of the ill.

January 18, 2017
5.40 a.m.

* Those of a musical instrument.

Артёму Кузнецову

Поэт во мне спасает человека,
Когда остался воли – только треск.
Я говорю – как до скончанья века
И слышу Вечность, словно моря плеск.

Я для тебя должна сказать – живое,
Я для тебя должна еще пройти.
И длится боль над каменной землею,
И снится жизнь – как встреча на пути…

18 января 2017 г., 5.40.

All will be just for the better.
Do not listen to the world,
Whose speech is but a clatter
From the hollows of Naught.

January 18, 2017
5.45 a.m.

Будет все, как будет лучше.
Остальное ты не слушай.
Остальное – ночи мгла,
Где когда-то я жила.

18 января 2017 г., 5.45.

To Artyom Kouznetsov

You will ever remain my own one,
You will ever remain joyfully-alive...
And now a smoke eclipses my sun –
The dreary smoke of my forlorn life.

January 18, 2017
5.46 a.m.

Артёму Кузнецову

Вот и стал ты совсем родным.
Вот и стал ты навек живым.
А вокруг меня – черный дым,
Бывший миром когда-то моим…

18 января 2017 г., 5.46.

To Artyom Kouznetsov

All my losses were as gifts to the Lord;
To take was an arduous favour.
Both joys and afflictions sank in the great Naught,
Today there is but a vapour

Obscuring that unpredictable stream –
The simplest of all the Lord's wonders...
But our joyful heavens – as a promise – gleam
Above any measures and bounds.

January 20, 2017
2.05 a.m.

Артёму Кузнецову

Теряла – как Богу дарила.
А брать – незаслуженный дар.
И радость, и горе – все *было*,
А нынче – бессолнечный пар

Над тусклой рассветной рекою –
Над самым простым из чудес…
И длится над мертвой землею
Сияние наших небес.

20 января 2017 г., 2.05.

In Our Courtyard

To Artyom Kouznetsov

A quiet court. A bench, a birch, the sky.
The merriment. Your happy, impish gaze.
All falls at us – leaves, snowflakes, rain, time...
All passes by. And let the minutes race!

The whole world is not worth of this yard,
In which I am beyond my gloomy fate.
And farther – Heaven! Farther – the mirth of light!
And, like your Love, the azure height is great.

January 20, 2017
5.0 a.m.

В нашем дворе

Артёму Кузнецову

Обычный двор. Скамейка под березой.
Веселье наше. Твой счастливый взгляд.
Пусть всё на нас – метели, листья, грозы:
Всё – мимо нас. И пусть часы спешат…

Весь мой Кавказ не стоил лавки этой,
Где вместе мы. Последняя черта!
А дальше – Вечность. Дальше – радость света.
И, как любовь, огромна высота.

20 января 2017 г., 5.00.

I called one of them my loving brother;
The other was like that afflictive light,
Which grows ineluctably at sunset,
Enshrouding the bordeline of Time.

All will be over, and this will disappear.
The sky is fading on the frozen earth...
But it is painful to recognise my dear
One in him – like in a distant dirge.

January 22, 2017
4.31 a.m.

Одного называла братом,
А другой – темнота моя:
Та, пустынная, после заката,
Над последней чертой Бытия.

Все проходит, и это – тоже.
Гаснет небо на черном снегу.
Страшно видеть того похожим
На родную мою тоску…

22 января 2017 г., 4.31.

To Artyom Kouznetsov

The bond with life breaks like the anchor cable
Of an ill-fated ship snatched into a wild night.
I want the little in this existence unstable –
To go through the storm to that protecting light...

What is more pleasant than an undreamed elation
At glimpsing of a port after a warring sea?
In those parts I shall forget vexation;
In those quiet parts we both shall ever live.

January 26, 2017
5.50 a.m.

Артёму Кузнецову

Связи с жизнью рвутся, как канаты
Корабля, подхваченного в ночь.
Больше, брат, мне ничего не надо,
Лишь – сквозь шторм – в сияющее, прочь…

Знаешь радость от потери воли
За чертой последней бурной тьмы?
Для меня не будет дальше боли,
Ничего не будет – только мы.

26 января 2017 г., 5.50.

To Artyom Kouznetsov

I can pray to you now, my brother.
I shall ask for an only thing:
May I not be delayed in this darkness,
In which I blow out my being.

It was late, it is early... The twilight
Will soon change to a glorious light.
It is neither distressing nor dire
To descry the interminable Life.

February 14, 2017
1.46 a.m.

Артёму Кузнецову

Я теперь могу тебе молиться.
Ни о чем я больше не прошу,
Только – пусть тот сумрак не продлится,
Где я душу, как свечу, гашу.

Было поздно. Стало очень рано.
Час ночной в рассветный перейдет.
Мне уже не страшно и не странно
Чувствовать так ясно – Бытие.

14 февраля 2017 г., 1.46.

To Artyom Kouznetsov

I wished to protect you, my brother...
Now you are my guardian angel,
As if the Celestial Father
Still remembers the lonely stranger.
Now you are my guardian angel.
In this life I have no other.

February 16, 2017
1.42 a.m.

Артёму Кузнецову

Хотелось тебя защищать…
Теперь ты – мой ангел-хранитель:
Как будто небесная рать
Помнит земную обитель.
Теперь ты – мой ангел-хранитель.
Мне некого больше спасать.

16 февраля 2017 г., 1.42.

To Artyom Kouznetsov

But I do not believe that all has come apart.
To spite this life, I still do not believe it!
I see the cruel dark, but my unyielding heart
Cannot contain the pang of *this* bereavement.

For you are beside me, whether alive or dead;
And we shall live, and we shall be together!
The last leaf was abruptly turned, but after that
We can behold the exultant azure!

February 22, 2017
10.21 p.m.

Артёму Кузнецову

А я не верю – вопреки всему!
Назло всей этой жизни – я не верю!..
Глаза глядят в безжалостную тьму,
Но в сердце места нет *такой* потере.

Ведь ты со мной – живой ты или мертвый.
Ты вечно жив, мы будем вместе вечно!
Последний лист небрежно перевернут,
А дальше нам сияет – Бесконечность!

22 февраля 2017 г., 22.21.

I gaze at life, which was mine yesterday.
The world is in the sunset glow like within a ruby.
Tomorrow Eternity will come.

February 27, 2017
2.56 a.m.

Я из окна смотрю на жизнь, еще вчера – мою.
Мир в зареве заката, как внутри рубина.
А завтра – Вечность.

27 февраля 2017 г., 2.56.

To Artyom Kouznetsov

This overwhelming and deathly-deep blue
Of life – like my deserts reflected above –
Will disappear ineluctably too,
And there will last but the life-giving Love.

Let the living keep silence and a firm line
Dissever the world, like a calling in vain:
It does not matter. You will always be mine,
And in that shining land I shall live again.

March 3, 2017
3.40 a.m.

Артёму Кузнецову

Ведь пройдет так, как все проходит,
Этой жизни смертельная синь –
Отражение на небосводе
Всех исхоженных мною пустынь.

От живущих – ни знака, ни вести.
Отделен мир надежной чертой.
Все равно. Ведь мы будем там вместе,
И я буду опять живой.

3 марта 2017 г., 3.40.

To Artyom Kouznetsov

No, one does not die at sixteen –
Goes away to the Lord, without goodbye.
It is I who am not in this earthly ravine.
And Heaven is immense like our future Life...
No, one does not die at sixteen:
One takes one's friend along to the sky.

March 29, 2017
2.35 a.m.

Артёму Кузнецову

Не умирают в шестнадцать лет –
В Вечность уходят, не попрощавшись.
Это меня здесь больше нет,
И небо огромное, как наше счастье...
Не умирают в шестнадцать лет –
С собой забирают, не оторвавшись.

29 марта 2017 г., 2.35.

To Artyom Kouznetsov

Perhaps, this is but a dread error,
Like sad notices from a war?...
I shall see you smiling as ever;
I shall have joyous dreams as before;

And we shall sit, playing and laughing,
In our courtyard, on that shaded bench...
You are incompatible with deaths,
And for you there is no death.

March 29, 2017
5.30 a.m.

Артёму Кузнецову

А может, это ошибка,
Как в похоронках с войны?
Я увижу твою улыбку
И ночами – счастливые сны;

И мы будем, как раньше, вместе
В нашем тихом дворе сидеть…
Ты неприемлем для смерти,
И неприемлема смерть.

29 марта 2017 г., 5.30.

How the Gothic world laughs with its joking gargoyles
At this epoch of nothing! And the azure is bright,
Like the hundred and thirty-third psalm, over mires;
And the distance is clear after the violent fight.

All will be immortal in the Kingdom of the Almighty.
All is but a contour of the perpetual day.
Many are called... And the hallow fire is lighted
Under the sorrowful vaults to illumine the way.

March 30, 2017
1.59 a.m.

Как мир готический горгульями смеется
Над веком сим! Как шартрская лазурь
Псалмом сто тридцать третьим мягко льется!
Как даль чиста после безмерных бурь!

Все сохраняется в бессмертии у Бога.
Все – только абрис будущего дня.
И много званых. Избранных немного.
И близок жар священного огня…

30 марта 2017 г., 1.59.

The amber of past epochs on a deserted coast.
The dusk of all the perished ships reminds
Of loneliness. There is nothing but a host
Of shattered masts like unavailing lives.

March 30, 2017
2.15 a.m.

Янтарь времен на берегу пустынном.
Здесь сумрак всех погибших кораблей –
Как одиночество. И длится только синий
Туман поломанных, как чьи-то судьбы, рей.

30 марта 2017 г., 2.15.

To Artyom Kouznetsov

The little azure miracles of first spring flowers
are scattered over the black earth,
like pieces of the sky.
Our Heaven
over your death.

April 11, 2017
3.24 a.m.

Артёму Кузнецову

Маленькие лазурные чудеса
первых весенних цветов
рассеяны по черной земле,
как кусочки неба.
Наши Небеса
над твоей смертью.

11 апреля 2017 г., 3.24.

In ruinis

Versa est in luctum vita mea,
Maeror me cotidie comedit.
Hominibus caritas niteat,
Sed me vita terrae solum taedet.

Miserere mei, Deus meus,
Audidum vocem in deserto!
Sine culpa ego sum hic reus,
Et in siti potant me aceto.

Miserere mei, miserere
Propter tuam magnam bonitatem!
Et splendeat super omnem terram
Lux in tua sancta voluntate.

Mensis Maius 9, 2017
4.45.

In the Ruins

My existence has turned into a torment,
And my heart is wasted with a yearning.
May kind people's sky never be ill-omened,
But I am exhausted with my mourning.

Take compassion on me, forgiving Father,
Hear this weak voice in a great desert!
Some give me but vinegar, while others
Offer bile and stones for good measure.

Take compassion on me, oh Almighty,
Recall Job's elucidating story...
May the gloomiest corners become lighted
By your endless life-asserting Glory!

May 9, 2017
4.45 a.m.
Originally written in Latin.

В руинах

Стала жизнь вдруг безысходной скорбью,
Источила горечь мою душу.
Лишь недавно был мой мир – любовью,
А теперь в нем ничего не нужно.

Надо мною смилуйся, Всевышний,
И мольбе моей да не откажешь!
Я теперь везде и всюду лишний,
Только желчь дают мне в моей жажде.

Смилуйся, о Боже, надо мною
По Твоей всеблагости предвечной!
И пусть над беспамятной землею
Воссияет свет Твой бесконечный.

9 мая 2017 г., 4.45.
В оригинале – на латинском.

To Artyom Kouznetsov

Your beauty is God's gift for grief
Consuming me before that evening,
When in a shady quiet street
I saw you like a joyous meaning

Of my existence. You were mine
At the first sight through those fleeting
Reminiscences of Heaven's shine…
Was ever our first meeting?
Was there ever the last line?

May 10, 2017
3.58 a.m.

Артёму Кузнецову

Твоя красота была Божьим ответом
За боль и тоску до встречи с тобой –
До встречи в тот вечер янтарного света
И шартрской лазури над головой.

Я обрела тебя, будто смысл жизни –
Радостный смысл. Ты стал сразу моим –
С первого взгляда сквозь сети подвижных
Реминисценций небесных глубин.

И длится в душе тот солнечный вечер,
И проходит смертельная эта тоска…
Была ли у нас первая встреча?
Последняя была ли когда-то строка?

10 мая 2017 г., 3.58.

To Artyom Kouznetsov

The river Welland* of my hope
Is carrying me away to Light.
Let distant bells cry as I hold
On the dim surface of the fight.

Let pain be sharp, let it whirl farther
Around me in this false Naught.
Despite all, I am with my brother;
Despite all, I am with the Lord.

May 14, 2017
6.49 p.m.

* The river where the English poet Digby Mackworth Dolben (1848-1867) drowned, having fainted as he was swimming across to the other bank.

Артёму Кузнецову

Река Уэллэнд* моей надежды
Влечет меня к Сиянью вдаль,
И что-то светлое мережит
Сквозь колокольную печаль.

И пусть боль длится диким боем
С небытием вокруг меня…
Назло всему мой брат – со мною,
И Небеса меня хранят.

14 мая 2017 г., 18.49.

* Река, в которой погиб английский поэт Д. Мэкворт-Доулбен (1848-1867): он потерял сознание, когда переплывал ее, и утонул.

To Artyom Kouznetsov

A sudden sunbeam has vanished beyond the
clouds.
You were with me for one moment –
one moment of Eternity.

May 26, 2017
12.40 a.m.

Артёму Кузнецову

Внезапный солнечный луч исчез за тучами.
Ты был со мной одно мгновение –
мгновение Вечности.

26 мая 2017 г., 00.40.

To Artyom Kouznetsov

My life streams past towards the great Unknown.
I am alone on the riverside.
To go up or throw myself down –
All is the same, all leads me to the Light.

This pain will vanish like the gloomy clouds
Which cover the Chartres azure of my sky.
I fear nothing in this destroying darkness.
I lived for you. For you, I have to die.*

May 30, 2017
3.10 a.m.

* When my time comes.

Артёму Кузнецову

Жизнь течет мимо в великую Безвестность.
На этом берегу живых со мною нет.
Куда бы я ни шла, теперь мы всюду вместе,
В конце пути любого – только Свет.

А боль исчезнет, как ночные страхи,
Которые проходят поутру.
Мне нечего бояться в этом мраке:
Я для тебя жила и для тебя умру.

30 мая 2017 г., 3.10.

To Artyom Kouznetsov

The best things are lost beneath the last slab –
One's happiness, peace, hope, and force.
I have lost my life. There is but a gap,
There is nothing, all only *was*.

All only *was* – beyond the vague line
Dividing the world from the Kingdom of God.
All will be again, for you remain mine.
I have just to wait a little in this Naught...

June 5, 2017
12.08 a.m.

Артёму Кузнецову

Вот так теряют дом, семью,
Здоровье, веру, мир и силы…
Я потеряла жизнь свою,
Нет ничего, все только – было.

Все только было – за чертой,
Что отделяет мир от Бога.
Все будет завтра. Ты со мной.
Лишь подождать еще немного…

5 июня 2017 г., 00.08.

Time became still. The house is quiet.
Sorrow looms in the distance of mirrors;
And my heart beats like clods in that dire
Depth where my life sank in one instant.

June 5, 2017
12.33 a.m.

Застыло время. Тихо стало в доме.
Глядит тоска из каждого угла.
А сердце бьется так, как падали те комья
В глухую глубину, куда вся жизнь ушла.

5 июня 2017 г., 00.33.

To Artyom Kouznetsov

My last fortress has fallen in spite of my efforts;
All my strength is exhausted as if near a doom.
But the Father has given us His magnificent
heavens,
And the earth is none other than a desolate tomb.

June 5, 2017
12.38 a.m.

Артёму Кузнецову

Пала последняя крепость моя,
Вышли последние силы…
Нам *небо* дано, а эта земля –
Только пустая могила.

5 июня 2017 г., 00.38.

The Evening at Lisri (the North Ossetia). *August 7, 2016*

To Artyom Kouznetsov

The world went mad.
People return a blow for a smile,
negligence for attention,
hatred for love.
I was sure that I lived among human beings,
but I live amid shadows of Nothing.

I beg for a word of consolation:
I receive indifference.

I suffered together with everyone:
I cry in a desert.

The desert of humans.
Nobody hears me
save God and you.

You seemed to be an imp,
but you were the Lord's angel.

My pain made you cry.
You smiled with my joy.
You were always with me
like a protecting love.
Nothing could separate us.
Your death has made us inseparable forever.

No living person is beside me,
but you are ever near.
I feel your warmth –

like a ray of Eternity in my soul.

Thank you for Life.

June 14, 2017
3.47 a.m.

Артёму Кузнецову

Мир сошел с ума.
Здесь платят ударом за улыбку,
пренебрежением за внимание,
ненавистью за любовь.
Я была уверена, что живу среди людей,
но я нахожусь меж теней небытия.

Я молю о словах утешения,
а получаю равнодушие.

Я страдала с каждым,
а плачу в пустыне.

Пустыня людская.
Никто не слышит меня –
кроме Бога и тебя.

Ты казался уличным мальчишкой,
но был ангелом Господним.

Моя боль заставляла тебя плакать.
Ты улыбался от моей радости.
Ты всегда был со мной,
как хранящая любовь.
Ничто не могло разделить нас,
а смерть сделала неразделимыми навеки.

Никто из живущих не слышит меня,
но ты постоянно рядом.
Я чувствую твою теплоту –

как луч Вечности в моей душе.

Спасибо тебе за Жизнь.

14 июня 2017 г., 3.47.

I recognise my pain in that of others;
And any joy is an Apostle's act.
Everyone who suffers is my brother;
Anyone who loves is God's elect.

June 19, 2017
2.40 a.m.

Я в чужом горе узнаю свое,
А радость всякая – апостолов деянье.
Мне брат любой, кто тяжкий крест несет.
А каждый любящий – Всевышнего избранник.

19 июня 2017 г., 2.40.

The Incessant Prayer

Father, help the one who is crying;
Help a heart which is waiting in vain;
Help a poor one who is dying;
Help all those who are in pain.

Oh Father, I pray for all losses,
For all those who languish with grief.
Thus a restless wave surges and tosses
Neath an overwhelming dark cliff.

Listen to my inexpressible prayer,
Which is throbbing, like blood, within me!
May all sorrow, anguish, and care
Change to happiness, and may peace be!

June 25, 2017
4.0 a.m.

Неумолчная молитва

Утешь, Боже, того, кто страдает;
Даруй силы тому, кто зря ждет;
Милуй тех, кто сейчас умирает;
И спаси тех, кто завтра придет.

Я молю обо всех, кто хоронит,
Обо всех потерявших покой.
Так волна изнемогшая стонет
Под ее сокрушившей скалой.

Услышь, Господи, эту молитву,
Отврати от нас небытие!
И пусть слезы, что были пролиты,
Обратятся в блаженство Твое!

25 июня 2017 г., 4.00.

Clearness

To Artyom Kouznetsov

Sometimes I am almost happy
on the deserted coast
of my shipwrecked life.
The storm is over,
and the sun shines again,
reminding of you.
Now there is neither struggle
nor pain
nor Time.
The present is not:
I have only the past
and the future.
Their iridescent gleams smile
on the quiet surface of my existence.
We are eternal now.

July 20, 2017
6.05 p.m.
The third anniversary of my meeting with Artyom

Ясность

Артёму Кузнецову

Иногда я почти счастлива
на пустынном берегу
своей разбившейся жизни.
Буря прошла,
и снова сияет солнце,
напоминая о тебе.
Больше нет ни борений,
ни боли,
ни Времени.
Настоящего нет:
только – прошлое
и будущее.
Многоцветие их отблесков
улыбается на мирной поверхности
моего существования.
Мы теперь вечны.

20 июля 2017 г., 18.05.
Третья годовщина знакомства с Артёмом

To Artyom Kouznetsov

The pall of the dark has fallen over my life.
There remain only the sunny impression of your
warmth
and the joyous glimpse of your beauty –
like Eternity in my soul.

July 26, 2017
6.0 a.m.

Артёму Кузнецову

Погребальный покров темноты пал на мою жизнь.
Осталось только солнечное ощущение твоего
тепла
и радостное впечатление твоей красоты –
как Вечность в моей душе.

26 июля 2017 г., 6.00.

To Artyom Kouznetsov

I am unable to retreat.
I taught myself to go forwards –
through the dark,
across the unknown,
in spite of pain.
When I could not go
I crawled.
I never looked back,
at the void.
I learnt to fight circumstances
and my body.
Now I have to struggle with the pain of
loneliness
tearing my soul into flames of despair.
And I shall fight –
for your sake;
I shall do what I must.
Maybe, my battle will be lost,
but I cannot retreat.
I am going forwards
to spite torments of the human void.
For your sake...

July 27, 2017
4.40 a.m.

Артёму Кузнецову

Я не умею отступать.
Я учил себя идти вперед –
сквозь темноту,
через неизвестность,
вопреки боли.
Когда я не мог идти,
я полз.
Я никогда не смотрел назад –
на пустоту.
Я научился сражаться с обстоятельствами
и своим телом.
Теперь я должен бороться с болью одиночества,
разрывающей душу на вспышки отчаяния.
И я буду сражаться –
ради тебя.
Буду делать то, что должен.
Быть может, мой бой проигран,
но я не могу отступить.
Я иду вперед,
назло ужасу человеческой пустоты.
Ради тебя...

27 июля 2017 г., 4.40.

December 27, 2016

To Artyom Kouznetsov

The white dirge of snow, without my window.
The white ceiling of emptiness over me.
A white page in our story.
The day of my death.

When our summer comes...

July 28, 2017
6.15 a.m.

27 декабря 2016 года

Артёму Кузнецову

Белая панихида снега за окном.
Белый потолок пустоты.
Белая страница в нашей истории.
День моей смерти.

Когда придет наше лето…

28 июля 2017 г., 6.15.

The Spitak Earthquake

The disaster

All this lasted just thirty seconds –
Like a blade which transfixes a heart:
The world crumbled to hopeless fragments
Of sharp stones – your life came apart.

There was a petrified prayer
All around. And someone screamed...
But the sky was the same, and there
The unending Existence gleamed.

The friendship

Boy from Spitak,* do you remember
That short autumn of hope and rain?
You would live beside me forever...
There would never be any pain...

And your father would ever be near –
Like his glimmering lonely star...
There was no longer that fear,
And the gate into Life was ajar.

---

* An Armenian boy, who moved from Spitak to Tver, after the earthquake of 1988. We were together during the autumn of 1990. I was only three years old, and he was seven. Later, my mother took me away to a village. I did never see that boy again.

The parting

All was lonely-grey at that instant:
And the sky, and the earth, and the park,
As if seen from a sorrowful distance,
Out of a lugubrious dark...

An aronia by a long road,
A warm cluster put into my hand:
Your encouraging warmth through that cold –
The first nail in my palm. And – the end.

After

"Come to me! Here I am alone,"
I oft whispered to you through the space.
Cold stars looked quietly down,
And the darkness was like an embrace...

Farewell, loving boy from gone Spitak,
My first friend from this world of the dirge!
In my dreams I oft saw that dark cluster –
The little keepsake of your soothing warmth.

July 30, 2017
3.10 – 4.12 a.m.

Спитакское землетрясение

Катастрофа

Все длилось только пол-минуты –
Как лезвиё через сердца:
Вся жизнь вдруг обратилась в груды
Камней. И не было конца

Той черноте окаменевшей
Вокруг беспомощной души...
А небо оставалось прежним,
И где-то там сияла Жизнь.

Дружба

Ты помнишь, мальчик из Спитака,*
Ту осень в пасмурной Твери?
И мы вдвоем. Нет больше мрака.
И папина звезда горит.

«Его здесь нет, но он нас видит
И помогает нам всегда...»
Не рвутся жизненные нити

* Армянский мальчик, переехавший из Спитака в Тверь после землетрясения 1988 года. Мы провели вместе осень 1990 г. (мне было всего три года, ему семь). Потом меня увезли из Твери. Я больше никогда не видела его.

И не уходят в никуда!

Прощание

Все было серым: небо, камни,
Дома, дорога и кусты.
Все было словно уже дальним,
Увиденным из темноты.

И куст рябины черноплодной,
И твой порыв сорвать мне гроздь…
Твое тепло в руке холодной:
В ладони детской – первый гвоздь.

После

«Ты меня видишь, помоги мне!» –
Шептала я в ту темноту,
Где ты исчез. И вечер зимний
Качал бессмертную звезду.

Прощай, мой мальчик из Спитака,
Мой первый друг, из мира слез!
Как долго снилась в моем мраке
Нагретая любовью гроздь…

30 июля 2017 г., ок. 3.10. – 4.12.

The Anticipation of Eternity

To Artyom Kouznetsov

I

A July evening.
The clear azure sky.
Grey doves on the pink pavement.
The sunny foliage of old lindens.
Strangers – past me.
It was an ordinary evening in a city,
but I see it like a wonderful amber
washed up by a peaceful tide.

II

In the cosy shade of the lindens
there was a little slender figure
as if chiselled by Canova.
A goldish hair falling on the left side
of a clear high forehead;
an attentive gaze of big dark eyes;
an impish liveliness:
a joyous embodiment of life.

Artyom.
A boy of fourteen.
A living boy.
Mine.
He became mine at once
like a poem written in one breath.

III

His voice, which resembled the moonlight on silver,
might have sounded under the vaults of a temple
as an annunciation of joy.
His eyes of the colour of dark smoky quartz
might have gazed from precious old paintings.
The caressing wind of the south
might have stroked his finest hair...
But he was an imp
and therefore still more delightful.

IV

I had been toiling to him
through the years of efforts and losses,
across the burnt earth of vain hopes.
I had called him
in the nights of despair.
I had begged him – like my guardian angel –
to save me from the annihilating dark.
I had been sure of his existence
as of my soul.

He became my sworn brother,
my only equal,
my self in its purest form.

V

A quiet courtyard
surrounded by grey four-storeyed houses

standing against the immense sky.
The graceful branches of a birch.
A brown bench.
Peace.
It was our world,
where there were only we
and the infinity of Heaven.

VI

Eternity loomed in our meetings –
through the pall of snow,
through the joyful notes of rain,
through the elegy of autumnal evanescence.

Eternity sounded in the silver melody of his voice,
it shone in his happy eyes,
it was within his merry, affectionate being.

The poignant chime of Eternity and transience ––
Loved ones do not die.

August 1, 2017
5.50 a.m.

Предчувствие Вечности

Артёму Кузнецову

I

Июльский вечер.
Чистое лазурное небо.
Серые голуби на розовой мостовой.
Солнечная листва старых лип.
Чужие лица – мимо меня...
Это был обычный вечер в городе,
но он видится мне, как янтарь,
вымытый из сияющего моря.

II

В уютной тени лип – легкая фигурка,
будто из-под резца Кановы.
Светлые волосы на левую сторону высокого лба,
внимательный взгляд больших темных глаз,
озорная живость:
радостное воплощение жизни.

Комарик.*
Четырнадцатилетний мальчик.
Живой.
Мой.

* Прозвище Артёма, данное ему мною.

Сразу – мой:
как стихотворение, написанное на одном дыхании.

III

Его голос, звеневший, как лунный свет на серебре,
мог бы звучать под сводами храма
провозвестием радости.
Его глаза цвета раухтопаза могли бы смотреть
с драгоценных старинных картин.
Его тонкие золотистые волосы
мог бы перебирать ласковый ветер теплых краев...
А он был сорванцом, и оттого еще прекраснее.

IV

Я шел к нему сквозь годы потерь и усилий,
по сожженной земле напрасных надежд.
Я когда-то звал его ночами отчаяния
и молил, как ангела-хранителя,
спасти меня от уничтожающей темноты.
Я был уверен в его существовании,
как в собственной душе.

Он стал моим названым братом,
моим единственным равным,
моим «я» в самом чистом его воплощенье.

V

Тихий двор меж пятиэтажных домов –

серых на фоне бездонного неба.
Грациозные ветви березы.
Коричневая скамья.
Спокойствие.
Наш мир,
где были только мы
и бесконечность неба.

VI

Вечность ощущалась в наших встречах:
сквозь пелену снегопада,
сквозь радостные ноты дождя,
сквозь элегию осеннего угасания.

Вечность звучала в серебряной мелодии его
голоса,
сияла в его счастливых глазах,
присутствовала в его веселом, любящем существе.

Мучительное созвучие Вечности и мимолетности…
Любимые не умирают.

1 августа 2017 г., 5.50.

To Artyom Kouznetsov

You reminded me of the summer sun.
Even in winter,
in our snowbound calm courtyard,
the sun smiled at me –
by your happiness.

The first summer without you.
The world gapes blackly.
Your eternal sun
continues shining in my soul.

August 11, 2017
6.42 a.m.

Артёму Кузнецову

Ты напоминал мне сияние летнего солнца.
Даже зимой
в нашем заснеженном мирном дворе
солнце улыбалось мне –
твоим счастьем.

Первое лето без тебя.
Мир зияет чернотой.
Твое вечное солнце
продолжает светить в моей душе.

11 августа 2017 г., 6.42.

The Sensation of Heaven*

(August 21, 2014)

To Artyom Kouznetsov

The crystal deep azure of a summer evening.
The quiet branches of an old birch.
And happiness – like a gentle sunshine gleaming
Within a temple. Eternity on earth!
Eternity in my embrace of care...
All will be over, but never will despair
Efface this feel of your life-giving warmth.

August 13, 2017
5.55 – 6.57 a.m.

* My memory of embracing Artyom when we sat on a bench in our courtyard. There was a sensation of the eternal in that moment.

Прикосновение к небу*

(21 августа 2014 года)

Артёму Кузнецову

Хрустальная лазурь в безмерности над нами.
Спокойствие березовых ветвей.
И счастье – как сиянье солнца в храме,
И Вечность – этим летом на земле.

Я Жизнь держу в робеющих объятьях:
Отныне нам не нужно больше слов.
... И все прошло. Но даже на распятье
Со мной твое хранящее тепло.

13 августа 2017 г.
5.55. – 6.57.

* Воспоминание о том, как я обняла Артёма за плечи, сидя с ним на скамье в нашем дворе. Было ощущение вечного сквозь мимолетность происходящего.

To Artyom Kouznetsov

Few pressed leaves of the birch
standing lonely in our silenced courtyard –
few poignant notes of our symphony of happiness.

August 16, 2017
7.35 a.m.

Артёму Кузнецову

Несколько высушенных листьев с березы,
одиноко стоящей в нашем смолкшем дворе:
несколько пронзительных нот нашей симфонии
счастья.

16 августа 2017 г., 7.35.

To Artyom Kouznetsov

The pure lines of your body –
lines of Poetry
written in Eternity.

August 18, 2017
7.55 a.m.

Артёму Кузнецову

Совершенные линии твоего тела:
строки Поэзии,
написанные в Вечности.

18 августа 2017 г., 7.55.

"May you dwell in the Kingdom of God!"
Said my granny, when we walked away
From a cemetery – to the great Naught
Illumined by the only ray.

"May you dwell in the Kingdom of God!"
Thus my footfalls resound through life.
Any spot of the earth is a clod
Thrown into the dark of my strife.

May you dwell in the Kingdom of God!
May I overpower Naught...

August 24, 2017
11.40 a.m.

«Царство Небесное всем вам, родные!» –
Бабушка шепчет, когда мы идем
С кладбища в сумрак напрасных усилий,
Озаренный одним негасимым лучом.

«Царство Небесное всем вам, родные!» –
В жизни моей отдаются шаги.
Всюду земля мне – что ком могильный,
Брошенный в тьму последней тоски.

Царство Небесное всем вам, родные!
А мне – пересилить нети земные…

24 августа 2017 г., 11.40.

To Artyom Kouznetsov

Never shall I be whole again.
I exist in smithereens
longing desperately for life.

Never shall I be alive again.
Under the careless surface of my self
there lasts only the darkness of that day.

Never shall I be myself again.
On earth there remains but my painful envelope.
My soul belongs to our Heaven.

September 9, 2017
3.34 a.m.

Артёму Кузнецову

Никогда я не стану снова целым.
Я существую в осколках,
безнадежно стремящихся к жизни.

Никогда я не буду опять живым.
Под беззаботной поверхностью моего «я»
длится лишь темнота того дня.

Никогда я не буду снова собой.
На земле осталась только мучительная оболочка,
а моя душа принадлежит нашим Небесам.

9 сентября 2017 г., 3.34.

TABLE OF CONTENTS

Preface 7
Предисловие 17
‘Maybe, all will end tomorrow’ 29
«Может быть, завтра все закончится...» 30
‘I want to remember’ 33
«Я хочу запомнить...» 34
‘You make me living’ 37
«Вы делаете меня живым...» 38
After a Quarrel 39
После ссоры 40
The Smile of the Kilauea Volcano 41
Улыбка вулкана Килауэа 42
‘Your liveliness has stiffened’ 43
«Твоя живость застыла...» 44
The Autumnal Suite 45
Осенняя сюита 46
‘You are only boys’ 49
«Вы – только мальчишки...» 50
‘The enchanting darkness of Artyom’s eyes’ 51
«Чарующая темнота его глаз...» 52
‘The violin of pain throughout our brotherhood’ 55
«Скрипка боли сквозь наше братство...» 56
‘You have given me the whole world’ 57
«Ты подарил мне целый мир...» 58
‘The fallen sunlight’ 59
«Опавший солнечный свет...» 60
‘Death appears like an unexpected guest’ 63
«Смерть приходит, как гость нежданный...» 64
‘You were my everlasting summer’ 65
«Вы были моим нескончаемым летом...» 66
‘Your sunny image on the old fresco of the autumn’ .. 69
«Твой солнечный образ...» 70
‘My marble angel’ 71
«Мой мраморный ангел...» 72

A Flower at the Edge of a Precipice 75
Цветок над пропастью 76
The Last Fortress 77
Последняя крепость 78
‘They both only lay side by side’ 79
«Они просто лежали рядом…» 80
‘My own white flower by a dark river’ 83
«Мой белый цветок над темным потоком…» 84
To People 85
К людям 86
Hope in Naught 87
Надежда в обломках жизни 88
The Regret of a Poet 89
Сожаление поэта 90
‘Like spring branches in a garden’ 91
«Как весенние ветви в саду…» 92
‘Your voice was to sing’ 93
«Твой голос был …» 94
The Collapse 97
Коллапс 98
The Inevitable Parting 99
Неизбежное расставание 100
‘You will remain eternally mine, my brother’ 101
«Ты навсегда останешься моим…» 102
‘From the numinous silence’ 103
«Из тишины надмирной – тихий свет…» 104
‘We shall ever live; we are united forever!’ 105
«Мы будем жить, мы будем всегда вместе!» 106
‘My daredevil will broke like weary chords’ 109
«Поэт во мне спасает человека…» 110
‘All will be just for the better’ 111
«Будет все, как будет лучше…» 112
‘You will ever remain my own one’ 113
«Вот и стал ты совсем родным…» 114
‘All my losses were as gifts to the Lord’ 115
«Теряла – как Богу дарила…» 116
In Our Courtyard 117

В нашем дворе 118
‘I called one of them my loving brother’ 119
«Одного называла братом…» 120
‘The bond with life breaks like the anchor cable’ 121
«Связи с жизнью рвутся, как канаты…» 122
‘I can pray to you now, my brother’ 123
«Я теперь могу тебе молиться…» 124
‘I wished to protect you, my brother’ 125
«Хотелось тебя защищать…» 126
‘But I do not believe that all has come apart’ 127
«А я не верю – вопреки всему!» 128
‘I gaze at life, which was mine yesterday’ 129
«Я из окна смотрю на жизнь…» 130
‘This overwhelming and deathly-deep blue’ 131
«Ведь пройдет так, как все проходит…» 132
‘No, one does not die at sixteen’ 133
«Не умирают в шестнадцать лет…» 134
‘Perhaps, this is but a dread error’ 135
«А может, это ошибка…» 136
‘How the Gothic world laughs’ 137
«Как мир готический горгульями смеется…» 138
‘The amber of past epochs on a deserted coast’ 139
«Янтарь времен на берегу пустынном…» 140
‘The little azure miracles of first spring flowers’ 141
«Маленькие лазурные чудеса…» 142
In ruinis 143
In the Ruins 144
В руинах 145
‘Your beauty is God’s gift for grief’ 147
«Твоя красота была Божьим ответом…» 148
‘The river Welland of my hope’ 149
«Река Уэллэнд моей надежды…» 150
‘A sudden sunbeam has vanished’ 151
«Внезапный солнечный луч исчез…» 152
‘My life streams past towards the great Unknown’ 153
«Жизнь течет мимо в великую Безвестность…» 154
‘The best things are lost beneath the last slab’ 155

«Вот так теряют дом, семью…» 156
‘Time became still. The house is quiet’ 157
«Застыло время. Тихо стало в доме…» 158
‘My last fortress has fallen in spite of my efforts’ 159
«Пала последняя крепость моя…» 160
‘The world went mad’ 163
«Мир сошел с ума…» 165
‘I recognise my pain in that of others’ 167
«Я в чужом горе узнаю свое…» 168
The Incessant Prayer 169
Неумолчная молитва 170
Clearness 171
Ясность 172
‘The pall of the dark has fallen over my life’ 173
«Погребальный покров темноты…» 174
‘I am unable to retreat’ 175
«Я не умею отступать…» 176
December 27, 2016 177
27 декабря 2016 года 178
The Spitak Earthquake 179
Спитакское землетрясение 181
The Anticipation of Eternity 183
Предчувствие Вечности 186
‘You reminded me of the summer sun’ 189
«Ты напоминал мне сияние…» 190
The Sensation of Heaven (August 21, 2014) 191
Прикосновение к небу (21 августа 2014 года) 192
‘Few pressed leaves of the birch’ 193
«Несколько высушенных листьев…» 194
‘The pure lines of your body’ 195
«Совершенные линии твоего тела…» 196
‘May you dwell in the Kingdom of God’ 197
«Царство Небесное всем вам, родные!» 198
‘Never shall I be whole again’ 199
«Никогда я не стану снова целым…» 200

Cover: a medieval watch tower
at Donisar, Republic of North Ossetia-Alania.

Text, illustrations, design, and layout copyright © 2017 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the author.